

Пословицы в практике художественного перевода

Осипович В.Л.

Белорусский национальный технический университет

Аннотация:

Рассматривается проблема художественного перевода пословиц, требующего не дословного воспроизведения, а подбора соответствий, которые позволяют передать национально-культурное своеобразие языка. Наибольший интерес представляют названия местных реалий, имена собственные, просторечные слова в составе пословиц.

В практике художественного перевода особое внимание уделяется способам передачи пословиц на другом языке, что объясняется их жанрово-языковой спецификой. Пословицы, выступая в ряде случаев свернутым национально-культурным текстом, отражают накопленные народом знания о мире, с одной стороны, «нерасчлененно, комплексно», а с другой – единицами своего состава, в числе которых безэквивалентные слова, имена собственные, диалектизмы и просторечия. Все это создает определенные сложности при переводе пословиц. Так, С.И. Ожегов подчеркивает непереваемость или невозможность точного перевода паремиологических единиц на другие языки, ссылаясь на замечание Л.А. Булаховского: «Этот материал часто требует не передачи в точном соответствии содержанию цитируемого выражения, а подыскания бытующего в языке, на который переводят, близкого по смыслу выражения» [1]. Причем главная цель поиска подходящего и в плане содержания и в плане выражения эквивалента – сохранение национально-культурной специфики, содержащейся в пословицах, так как при переводе они могут потерять «истинное свое значение, применяясь к предметам и понятиям, совершенно различным от тех, какие они должны искони выражать» [2].

Анализируя перевод паремиологических единиц в рамках художественных текстов белорусских и русских писателей, следует отметить значительное сходство пословичных фондов двух народов, обусловленное общностью их лексической и грамматической систем: *І праўда: для старца міля – не круг, і, бачыш, вось мы ўжо і тут... – І верно: для старца міля – не круг, а глядиш, вот і мы вдрог... (Кул.); Правільна, – згадзіўся Козусеў. – Але ж, як кажучь мудрыя людзі, беражонага і бог беражэ – Верно, – согласился Козусев. – Да вядь, как говорят мудрые люди, береженого и бог бережет (Кул.).*

Иногда при сохранении смысловых отношений и образно-ассоциативной системы наблюдаются изменения, связанные с различием морфологических норм белорусского и русского языков, например:

– предлог «па» требует в белорусском варианте предложного падежа, а в русском – дательного: *Дзе ўжо тут: зняўшы галаву, па валасах не плачуць.* – *Что уж тут: снявши голову, по волосам не плачут* (Кудр.). В русском эквиваленте допускается употребление невозвратного деепричастия совершенного вида с суффиксом «вши» вместо нормативного «в» с целью типизации речи героя.

– конструкции «предлог да + имя существительное в родительном падеже» в белорусском тексте соответствует конструкция «предлог к + имя существительное в дательном падеже» в русском языке: *Да аўса конь сора прывыкае, – усміхнуўся Ігнат, прысеў на лавачку.* – *К овсу конь быстро привыкает, – усмихнулся Игнат, присаживаясь на лавочку* (Кул.);

– сочетание «предлог на + имя существительное в винительном падеже» в белорусском языке передается свойственным русскому языку сочетанием «предлог к + имя существительное в дательном падеже»: *Усё, што робіцца, робіцца на лепшае.* – *Все, что делается, делается к лучшему* (Шам.);

– не совпадает род некоторых имён существительных: *Хаця... Маленькі сабачка да старасці іччанюк...* – *Хотя... Маленькая собачка до старости щенюк...* (Кудр.);

– в белорусском языке сравнительная степень управляет именем существительным в винительном падеже с предлогом «за», а в русском – родительным падежом имени существительного без предлога: *...раніца за вечар, ды яшчэ за п'яны вечар – мудрэйшая – ...утро вечера – да еще пьяного вечера – мудренее* (Шам.).

В некоторых случаях перевод меняет лексический состав пословицы, заменяя одни реалии другими: *Смаленая сава не клонула цябе ў тоўстую...* – *Жареный петух не клонул тебя в толстую...* (Шам.). При этом и в русском, и в белорусском варианте опускается просторечное слово, которое подсказывается именем прилагательным. Такой прием придает пословице особый колорит и экспрессивность, что важно сохранить в языке перевода; *...вышэй пляча рукавы не закасаеш і вышэй пуна не скокнеш...* – *выше плеча рукава не засучишь, выше головы не прыгнешь* (Шам.).

Национально-культурное своеобразие как белорусских пословиц, так и их перевода на русский язык достигается за счет употребления безэквивалентной лексики, обозначающей явления местной культуры: *Закон – што дышла: куды павярнуў, туды і выйшла.* – *Закон что дышло, куда повернул, туда и вышло* (Шам.), где «дышло» – «толстая оглобля, прикреп-

прикрепляемая к середине передней оси повозки»; *Я тебе па-бальшавіцку гаварыў: адзін і ў кашы няспорны. – Я тебе па-большевицки говорил: один и каше неспорый (Кудр.); Калі ўзялася за такі гуж, то цягні! – Коли взялася за такой гуж, то тяни! (Кул.)*, где «гуж» – «петля в хомуте, скрепляющая оглоблю с дугой». В данных примерах безэквивалентная лексика калькируется. Однако можно встретить пословицы, в которых национально маркированные лексические единицы в языке перевода передаются с помощью синонимической замены: *З мілым рай і ў будане. – С милым рай и в шалаше (Шам.)*.

Интересны с точки зрения перевода пословицы, содержащие в своем составе имена собственные, в частности антропонимы (названия лиц, живущих в определенное время; образы языческой или христианской религии), обладающие обобщенным значением и способствующие правильному пониманию смысла выражения: *Чакай, цётка, Пятра – будзеш сыр есці. – Жди, тетка, Петра – будешь сыр есть (Шам.)*, где подразумевается день святых апостолов Петра и Павла – народный праздник в календаре славян, имеющий древние корни. Нередко встречаются и топонимы (названия государств, городов, сел, рек, озер), связанные, прежде всего, с историей народа: *Чула, як раней казалі: Масква слязам не верыць? – Москва слезам не верит (Шам.); Раскідалася я сёння ва ўсе бакі: “У гародзе бузіна, а ў Кіеве дзядзька”. – В огороде бузина. А в Кіеве дядька (Шам.)*.

При переводе может происходить индивидуально-авторская трансформация пословицы, например расширение её состава, что способствует уточнению смысла: *Ведаеш, Антон, прымаўку: смяецца той, хто смяецца апыні. – Хорошо смеется тот, кто смеется последним (Шам.)*.

В проанализированных примерах и белорусский, и русский варианты пословиц в целом совпадают по своей семантике, несмотря на то, что некоторые из них имеют различия лексического, морфологического и синтаксического характера.

Переводить пословицы с одного языка на другой, даже близкородственный, сложно, так как необходимо сохранить их национальное своеобразие.

Литература

1. Ожегов, С.И. О структуре фразеологии (в связи с проектом фразеологического словаря русского языка) / С.И. Ожегов // Лексикология. Лексикография. Культура речи. – М., 1974. – 352 с.
2. Снегирев, И.М. Словарь русских пословиц и поговорок. Русские в своих пословицах / И.М. Снегирев. – Н. Новгород: Русский купец, Братья славяне, 1996. – 624 с.